

«Я ожидал большего от посмертия», — ленивая мысль вальяжно вползла в сознание Локи и, с трудом ворочаясь, удобно устроилась там.

Это стало первой связной мыслью, посетившей его за очень долгое время. Или, по крайней мере, ему так казалось. Момент смерти чётко отпечатался в его разуме, во всём своём глупом героизме, а вот дальше... что было дальше? И было ли вообще?

Вот он играет свой последний обман, без настоящей надежды на успех — что такое жалкий ножичек для владельца Камней? — и гибнет от рук безумца. Славный конец для бога обмана, нечего сказать.

«Где же ты, Валгалла — обитель воинов? Или моего последнего выпада против непобедимого врага оказалось недостаточно, чтобы твои врата распахнулись передо мной? — уже чуть живее продолжил размышлять приёмный сын Одина. — Никогда не достаточно», — под конец кольнула его старая горечь.

По крайней мере, цели своей Локи достиг — брат останется жить. Возможно, Танос не в своём уме, но безумие титана это чётко структурированная система. Убив одного, он обязательно оставит в живых второго. Последние годы, замещая Одина на троне, Локи многое сделал, чтобы узнать врага и подготовиться. Танос никогда не отступит от своей цели — уничтожения половины разумных Вселенной. Даже атакуя корабль беженцев, он позволял Хеймдаллю беспрепятственно отправлять асов в Мидгард, пока не осталось почти ровно половина.

Почти.

«Я всегда презирал идею самопожертвования, и вот в конце сам сделал именно это. Смешно».

Мысли Локи двинулись дальше, перемещаясь из прошлого ближе к настоящему.

После того, как его шея хрустнула под фиолетовыми пальцами титана, свет оставил его взор, а затем в ничто канули и последние отзвуки скорбного крика Тора. Его поглотила непроглядная темнота, наполненная вязкой тишиной.

Что было дальше, Локи уже не знал. По какой-то причине ему казалось, что за гранью тьмы что-то происходило, но он не мог быть уверен даже в существовании этих «событий», не говоря уже о конкретике. Время медленно тянулось, что-то изменялось, а он просто пропускал это сквозь себя, ничего не воспринимая, пока не оказался в нынешнем положении.

Локи не мог вспомнить, когда появился «тёплый» холод, который окутывал его сейчас, но после его появления ему точно стало комфортнее.

Постепенно начали возвращаться ощущения: осязание, обоняние, вкус...

Локи моргнул и открыл глаза. Пришло осознание, что он жив. Действительно жив, а не болтается на грани небытия в ожидании вердикта весов судьбы и не летит в промозглые глубины Хель.

Вот только к действительному положению у него возникло несколько вопросов.

Локи скосил глаза вправо, потом влево. Везде он видел одно и то же — мутная белая поверхность, за которой виднелись туманные очертания чего-то ещё. Складывалось впечатление, что он заморожен в глыбу льда.

«Наверное, Хеймдалль чувствовал себя так же, когда я в тот раз заморозил его Ларцом, — подумал бог обмана, безуспешно пытаясь пошевелиться. — Ну, если уж Страж смог выбраться, то смогу и я. А, ну-ка...»

Локи напрягся всем телом, пытаясь вырваться из ловушки... и бессильно обмяк, тяжело втягивая в себя воздух. Как ни странно, дышалось в ледяной глыбе на удивление свободно.

Он на мгновение прикрыл глаза. Таким слабым он себя не чувствовал даже когда Халк вбил его в пол. В тот раз это было хоть и болезненно, но мимолётно. Сейчас же...

Локи собрался с силами и попробовал снова. Но результат оказался тем же — ещё одна порция слабости и незыблемая стена перед глазами. Даже трещинки не появилось.

«Крепок, зараза», — Локи, зло уставившись на лёд и упрямо сжав зубы, продолжил попытки.

— Проклятье... ха... что же... ха... я делаю... ха... не так? — несмотря на то, что Локи говорил едва слышно, собственный голос гулко прозвенел в его ушах, отражаясь от окружающего льда.

Он уже битый час (или два... или три... а, может, минут десять?... восприятие времени всё ещё сбоило) надрывался, пытаясь выбраться из заточения, но успехи были не велики. Его мучила усталость, более неприятная и продолжительная, чем он чувствовал после того, как зелёный зверь проломил им пол. Хотелось просто плюнуть на всё и снова забыться в манящей тьме. Тем более что лежать в этом холодном узилище было донельзя комфортно... Просто закрыть глаза...

Локи с тихим рыком дернул головой, приложившись лбом о лёд. Из-за малого расстояния удар не мог быть слишком сильным, но ему этого хватило. Чуть оклемавшись, Локи с силой закусил щёку. Боль помогла прийти в себя, а рот наполнился привкусом крови.

Он не может позволить себе и дальше здесь разлёживаться! Неизвестно, что произошло после того, как он потерял сознание, но, судя по его собственному положению — немало. Кто знает, какая судьба постигла Тора? Танос не убил бы его, границы безумия титана не позволили бы этому произойти, но кто знает, что ещё могло случиться?

Нет... нет... ему нужно выбраться отсюда и побыстрее, вопрос только в том — как?

— Когда Хеймдалль пытался сбросить с себя лёд, это не казалось такой сложной задачей, — пробормотал вслух Локи. — Может, дело в том, что моё узилище явно толще? Я даже не вижу, что там на другой стороне...

Бог обмана некоторое время лежал неподвижно, обдумывая свои варианты, после чего тихо выругался.

«Похоже, выбора у меня нет...»

У него в запасе оставался ещё один трюк, но сама мысль о том, чтобы прибегнуть к этому, вызвала тошноту.

До чего же он докатился, если вынужден полагаться на своё проклятое наследие. Презренную силу ётуна.

Несмотря на годы, прошедшие с тех пор, как Локи узнал о своём истинном происхождении, он так и не смирился с этим. Всё это время он старательно отрицал эту часть себя. Но природу не обманешь. Первородный холод, наполнивший вены, когда шкатулка оказалась в его ладонях, так никуда и не делся. Сила находилась рядом, только руку протяни — обещая блаженство инстинктам и вызывая омерзение у разума.

Доказательство лжи, которой была вся его жизнь.

Локи глубоко вздохнул, перебарывая глубоко укоренившееся отвращение, и потянулся к этому ненавистному морозу. Ответ пришел незамедлительно. Как и годы назад, он почувствовал в своих венах стужу, должную превратить кровь в лёд, но в действительности влага жизни начинала течь лишь быстрее, а кожу покалывало от волны преобразования.

Вот чуть зачесались глаза, и сместился спектр зрения. Локи опознал ощущение с неприятной лёгкостью, хотя не испытывал его годами — так белки наполнял ётунский багрянец.

На краю сознания зашевелился старый страх.

А что, если он не сможет стать прежним? Вдруг ему суждено навсегда остаться синекожим уродом?

Локи тихо зашипел, гоня от себя такие мысли.

Чем скорее он закончит, тем меньше ему терпеть эту гадость.

Осторожно, стараясь контролировать каждую каплю ётунской силы, чтобы, не дай Хель, не взять лишнего, Локи направил мороз в правую руку, а потом обернул её по локоть, словно натянув перчатку. Сила сопротивлялась, норовя вырваться из-под контроля. Ётунская стужа совсем не походила на тонкую и изысканную магию, которую Локи практиковал под началом матери, не желала оставаться в заданных рамках, стремясь заполнить всё вокруг в своём диком буйстве, но он справлялся. Закрепив результат, молодой бог начал медленно сгибать локоть, надавливая на лёд. Сперва Локи почувствовал сопротивление, но затем преграда начала поддаваться.

«Работает!» — пронзила его вспышка радости.

И в тот же миг заклятие распалось, а руку сдавило со всех сторон. Сила наплатила лед вокруг, ещё больше сковав движения своего пленника.

— Проклятье, да сколько ж можно?! — прошипел он.

Сегодня явно не его день... как будто сломанная шея была недостаточным намёком.

Но, по крайней мере, начало положено.

Спустя полчаса Локи напряженно наблюдал за тем, как синева неохотно покидает его ладони. Усталость и сонливость как рукой сняло, стоило ему выбраться из глыбы, но то, как медленно скрывалась печать его наследия, вызывало нешуточное беспокойство. Когда последнее пятно, наконец, исчезло с кожи, он облегчённо усмехнулся.

Оторвав взгляд от рук, Локи огляделся. Он находился в просторных палатах исцеления явно асгардского стиля: стены, с виду похожие на обычный камень, золотые украшения и светильники с открытым огнём, излучающие слишком яркий и ровный свет для таких примитивных приспособлений. Сам Локи сидел на глыбе льда, намороженной на одном из множества подвижных лож, закреплённых вдоль стен без видимых опор.

Локи нахмурился. Очевидно, что он не в заточении на корабле Таноса и вокруг совершенно точно не иллюзия, но в таком случае, где он и кого должен благодарить за своё спасение (если это спасение)? Наличие вокруг асгардского декора и технологий его не удивляла — пусть сам Асгард разрушен, но асы обитали далеко не только там. Вопрос был в том, почему вообще они оказались поблизости, ведь он лично позаботился о том, чтобы в случае падения Асгарда все суда ушли как можно дальше, чтобы не множить потери.

С тех самых пор, как Локи начал притворяться Одним, он искал пути остановить Таноса, когда тот неминуемо явится за его головой. Жаль, вариантов было немного, поскольку титан ни за что бы не пришел, прежде чем не получит в свои руки один из Камней Бесконечности. Без одного из Шести Асгард оставался для безумца неприступным, с Камнем же... Именно поэтому за время своего правления Локи разработал несколько планов эвакуации населения, вот толькогодились они совсем не против того врага, для встречи с которым создавались.

Локи соскочил с глыбы, обернулся, чтобы посмотреть, нет ли рядом чего-то из его вещей, и застыл, едва ли не открыв рот от потрясения.

Прямо на прикроватной полке, доселе скрывавшейся у него за спиной, одиноко стоял... Ларец Древних Зим!!!

От недоверия к увиденному Локи даже протёр глаза, но когда посмотрел на полку, картина осталась прежней. Приходилось признать, что величайшее оружие Ётунхейма — которое, между прочим, должно было согнуть вместе со всей сокровищницей — действительно неизвестно сколько времени простояло у изголовья его ложа, причём без какого-либо намёка на охрану!

Локи рассеянно потянулся к отвороту своего плаща, чтобы по привычке поправить, но пальцы натолкнулись только на какие-то обрывки. Удивлённо моргнув, он скосил глаза вниз и тихо выругался. Состояние одежды оставляло желать лучшего, хотя он совершенно не помнил, чтобы в столкновении с Таносом она так пострадала. От сломанной шеи рубашки не обугливаются.

Локи направил в своё одеяние каплю силы, вместе с приказом на восстановление — встроенные чары всё сделают сами — после чего снова сосредоточился на ларце. Он использовал всё своё магическое мастерство и через некоторое время убедился, что тот действительно никак не защищён. Чужого внимания на себе Локи тоже не ощущал — ни прямого, ни через чары и механизмы, а ведь он заслуженно считал себя мастером в таких вещах. Подобные умения были естественным следствием изучения магии иллюзий, и хитрец не жалел времени на их оттачивание.

— Похоже, мои спасители на диво беспечны, — тихо пробормотал он, пытаясь почувствовать чьё-либо присутствие вокруг. — Или же обоснованно уверены в себе.

Поблизости не было ни единой живой души.

Ещё чуть помедлив, Локи дернул плечом и, быстро схватив ларец, спрятал его в своём подпространственном кармане, потом настороженно прислушался и к мирским звукам, и к

токам окружающих энергий, ожидая хоть какой-то реакции на своё наглое действие.

Тишина.

Что ж, Локи не собирался жаловаться на чужие промахи, тем более когда они идут ему на пользу. Как бы он ни относился к своему наследию, артефакт мог сильно пригодиться.

Снова осмотрев зал, Локи заметил около выхода архаично выглядящий терминал в виде невысокой круглой колонны, покрытой литыми рунами. Подойдя к нему, он запустил иллюзорный интерфейс и попытался проникнуть в систему корабля, чтобы что-нибудь разузнать, но сразу же столкнулся с проблемой. Система позволила ему незначительный доступ к целительному оборудованию, но дальше не пустила, сообщая об отсутствии идентификатора. А ведь такого просто не могло быть, ведь во все асгардские системы, способные считывать ауры, была вшита возможность доступа для членов царской семьи. Любой асгардский корабль должен быть способен его идентифицировать... если, конечно, это именно асгардский корабль, а не бутафория.

«Что-то мне всё меньше и меньше хочется встречаться с местными хозяевами», — подумал Локи, развеял интерфейс и быстро выскользнул из покоев, не забывая приглушать шаги практически не обнаружимыми чарами.

Бог обмана двигался вдоль очередного коридора и напряженно хмурил лоб, силясь понять, что же его беспокоит. Он уже довольно долго блуждал по здешним местам, но до сих пор не нашел ничего полезного и никого не встретил. Чтобы обладать таким количеством практически пустых пространств, судно явно должно быть весьма крупным. Локи не помнил таких махин среди флота асов. В таких кораблях просто не было необходимости, ведь торговать куда удобнее через бифрест, а огневой мощи хватало и у куда более мелких кораблей. И зачем, скажите на милость, уподоблять внутреннее убранство асгардскому, если сам Асгард ничего подобного не производит? Из банального желания подражать? Уж точно не ради того, чтобы ввести его в заблуждение, ведь такой обман раскрывается на раз!

Впрочем, дело было не в этом. Сам коридор казался ему донельзя знакомым, даже несмотря на то, что он уже прошел с десятков подобных. Вот только раньше такого впечатления не возникало. Он каким-то образом сделал круг и не заметил этого?

Это настораживало, но Локи не сбавлял шага. Если его уже обнаружили и теперь ведут какую-то игру, незачем всем сообщать, что он что-то подозревает. Так он мог выиграть время, чтобы всё обдумать и, может быть, даже что-то действительно заметить.

И подсказка не заставила себя ждать.

Подходя к очередному повороту, Локи заметил, что руна в вязи, идущей по стене справа, в одном месте неправильно стыкуется со следующей в ряду. Ошибка в бутафории вещь не особо важная, но до сих пор эта подделка под асгардский корабль отличалась большой достоверностью и вниманием к мелочам. На настоящих судах асов подобные рунические вязи накладывались поверх корабельных путей силы, образуя третичную защиту от паразитов из высокоэнергетических измерений. Неточности, подобные этой, разрушали всю систему и,

конечно же, не допускались. Судя по тому, что Локи видел до сих пор, неведомые хозяева этого судна, наверняка, должны об этом знать, а, скорее, даже использовать технологию по прямому назначению, ведь все ранее встречаемые им технические элементы были полностью функциональны. Следовательно, эта ошибка, вероятно, вызвана неким внутренним воздействием, которое не влияет на систему защиты, а это значит...

Додумать очередную мысль, продиктованную разыгравшейся паранойей, Локи не успел, так как в этот момент у него потемнело в глазах, а на его метафизические плечи обрушилась тяжесть присутствия чужой силы. Нечто подобное он испытывал только в присутствии Одина, когда того обуревал гнев, и на поверхность выходила его истинная сущность. Это могучее «присутствие» несло в себе неприкрытую угрозу... или даже обещание неотвратимого конца. Под сенью этой мощи едва удавалось стоять на ногах. Да что там, даже дышать оказалось непросто. Но самым паршивым было то, что Локи сразу же признал уникальный отпечаток существа, которому принадлежала аура, заполнившая всё вокруг, хотя прежде испробовал его на себе лишь дважды.

Такую мощь излучала только его недавно обретенная сводная сестра Хела. Богиня Смерти.

«Она пережила даже Рагнарёк? — придушенно охнув, подумал Локи. — Да что же нужно, чтобы её убить?!» — мысленно взвыл он, чувствуя как в его душу впиваются когти ужаса.

В глазах прояснилось. Безликий коридор исчез, словно того и не было. Теперь Локи оказался в огромном зале с высоким купольным потолком, по которому струились несколько линий рун, плавно заворачивающихся против часовой стрелки, а в какой-то полусотне шагов, спиной к нему стояла женская фигура.

Несмотря на сковавшую его панику, Локи невольно отметил, что та довольно сильно отличается от прежнего образа Хелы. Никаких тебе рогов или плаща, да и ростом она стала ниже, но всё равно это, без сомнения, была старшая дочь Одина. Даже если забыть о том, что «присутствие» исходило от этой фигуры, двухметровый колющий шар из движущихся сплетённых лезвий над её головой не оставлял места для сомнений. Локи слишком хорошо запомнил эти клинки, чтобы ошибиться.

В дальнем конце зала что-то мигнуло, после чего раздался глухой рык и топот. Локи с усилием оторвал взгляд от сестры, тем не менее, не упуская её из поля зрения. Там, вдалеке, тяжело грохоча по каменным плитам, прямо на них неслись тёмноэльфийские Проклятые, а вслед за ними целая волна всевозможных опасных тварей.

Локи реально оценивал свои силы и, если бы уже не разволновался до предела, то, наверное, ринулся прочь, поскольку такой толпе ему было нечего противопоставить. Но на фоне угрозы сводной сестрицы грубые твари совсем не выглядели такой уж проблемой, тем более что Хела как раз стояла между ними и им самим. Поэтому он остался на месте, опасаясь привлечь к себе её внимание, и всеми силами ища выход из своего незавидного положения.

Когда твари пересекли невидимую линию, Хела сделала лёгкое движение рукой, и шар над ней исторг из себя множество тёмных игл. Первая шеренга противников оказалась иссечена шквалом острой стали, затем начала быстро распадаться сизым туманом.

«Иллюзия, — подумал Локи, мысленно коря себя за то, что не понял этого сразу. — Значит мы на тренировочной палубе. — Он быстро огляделся по сторонам. — Возможно, если я перехвачу управление... нет. Нет-нет-нет, не получится. Дурак, о чём ты только думаешь?! Это же никакая не бутафория, а настоящая асгардская технология. Системы корабля не дадут легко

перехватить контроль над сотворёнными образами, будь ты хоть трижды мастером иллюзий! Проклятье, она же сейчас меня заметит, а рядом ни Тора с валькирией, ни огромного Суртура! Что же делать?..»

— Хм, нужно ещё подправить в схеме несколько узлов... — задумчиво протянул женский голос, вынудив Локи вздрогнуть и вернуться в действительность.

Похоже, он всё ещё не совсем оправился, поскольку иного объяснения тому, как он в такой ситуации умудрился не заметить, что очень громкая иллюзорная толпа оказалась полностью истреблена, просто не было.

А дражайшая сестрица тем временем начала оборачиваться!

«Ах, ну, значит, как всегда», — подумал Локи, поспешно опускаясь на одно колено — маленькая уступка его гордости — и склоняя голову.

— Приветствую, моя царица, — произнёс он, мысленно моля Древо и все вселенские сущности, чтобы Хела купилась. С учётом того, что совсем недавно нечто подобное стоило ему сломанной шеи, это было совсем не лишним.

На лице молодой женщины, в которой едва угадывалась прежняя Богиня Смерти, мелькнуло лёгкое удивление, после чего... она радостно улыбнулась ему?

В этот момент Локи заметил, что сестра смотрит на него единственным пурпурным глазом, второй же заменяло нечто матово чёрное.

«И это всё, чего добился Суртур, вознёсшийся выше гор?! О Древо, мне конец».

— Ах, дорогой брат, я так рада, что ты, наконец, очнулся, — произнесла Хела, вырвав его из сумбурных мыслей. В её голосе звучала искренняя забота, а ведь Локи знал толк во вранье! — И даже вспомнил об этикете? Истинное чудо! — продолжила уже с весельем. — Ну же, поднимайся и дай на тебя взглянуть! Не стоит уделять протоколу более строго необходимого, — закончила она, быстро зашагав к нему.

Локи поспешил подчиниться. Он совершенно не понимал, зачем Хеле разыгрывать перед ним такое радушие — и даже спасти его, если уж на то пошло, — но не собирался смотреть дарёному коню в зубы. Раз она не стремится сразу тащить его в казематы — тем лучше. Больше шансов, что он сможет выкрутиться и, возможно, даже выгадать что-то полезное.

Когда Хела приблизилась, Локи обнаружил, что возвышается над ней почти на голову.

«Действительно ниже стала...» — успел растерянно подумать он, прежде чем мягкие пальцы схватили его за подбородок и нежно, но решительно, заставили склонить голову вбок.

Когда Локи почувствовал, как её сила покалывает кожу, ему потребовалось всё его самообладание, чтобы не сделать какой-нибудь глупости.

«Да какого?!..»

— Вижу, исцеление прошло успешно. Я рада, — сестра снова улыбнулась, отпустила его и шагнула назад. Чуть в стороне возникло кресло, в которое она и опустилась, жестом предложив ему занять другое напротив.

Локи настороженно глянул на него и последовал примеру Хелы.

«Ну вот, это уже больше похоже на прошлые встречи, хотя и не в пример тоньше. Встречает радостью и заботой, одновременно предлагая сесть в изделие из той же воплощённой энергии, что и её лезвия. Единой мысли будет достаточно, чтобы разрезать меня на куски. Что ж, я в любом случае сейчас в её власти. Одним клинком у горла больше, одним меньше», — думал он.

— Должна заметить, что тебе очень повезло, Локи, — сказала Хела, когда он занял своё место. — Если бы не твоя ётунская природа, ты бы погиб. К счастью, разбитый лёд не так сложно вернуть в прежнее состояние. Как ты себя чувствуешь?

— Неплохо, сестра, — чуть помедлив, ответил он, подстраиваясь под избранный ею тон разговора. — Но было бы ещё лучше, если бы мне не пришлось битый час бродить по пустому судну.

— Бродить?.. — спросила она, вскинув брови, затем опасно сузила глаза. — Мимир!

— Ай, ну чего такое, Кали? — немедленно донесся ей в ответ голос из пустоты, а в следующий миг сбоку от них возникла иллюзия здоровенной лысой головы с шикарной бородой.

— Я же просила привести брата ко мне, как только он очнется, — холодно произнесла Хела, почему-то не обратив внимание на то, что её называли другим именем. — Ты даже нечто настолько простое в точности исполнить не способен?

— Пф, да брось, милая, — фыркнул названный Мимиром. — Чтобы нормально «очнуться» пареньку нужно было немного прогуляться. Ну, знаешь, к туловищу попривыкнуть, после того, как ему почти оторвали голову. Поверь, я в этих делах толк знаю, так что всё в пределах моей компетенции, — он усмехнулся. — Не волнуйся, я ни на мгновение не спускал с него глаз.

— Как ты скрылся от меня? — невольно вырвалось у Локи. Вопрос был очень важен, поскольку прежде он считал своё чутьё практически непогрешимым.

Тот смерил его выразительным взглядом.

— Думаешь, смог бы углядеть меня, юнец? — фыркнул бородач. — Не зазнавайся! Ты неплох, я готов признать это. Дважды твоё прощупывание магией всего и вся вокруг почти обнаружило мой след, но Мудрый Мимир лучший соглядатай во всех девяти мирах!

— И научился он этой науке, когда подсматривал на озёрах за голыми альвками, — сказала Хела, закатив глаза.

Локи недоверчиво покосился на неё.

— И это говорит о моём высочайшем мастерстве, — гордо заявил престарелый вуайерист. — Эти остроухие златовласки чутки аки ванахеймские ветреные лани, а я обходился без всяких божественных хитростей — в отличие от вашего старика, который сам этим грешил напропалую. Даже несколько картин нарисовал, если помнишь.

— О да, твои работы произвели настоящий фурор при дворе, — хмыкнула Хела. — А потом владыка Оберон объявил тебя вне закона в своих землях, потому что ты, оказывается, рисовал не простых голых альвов, а его резвящихся дочерей.

— Ну, что тут скажешь. Я всегда стремлюсь к самому лучшему, — гордо заявил тот.

Хела прикрыла глаза и помассировала себе висок. Будь она смертной, Локи бы решил, что у неё разболелась голова.

— Ладно, неважно, — произнесла она, открыв глаза и одарив лысого колючим взглядом. — Но впредь я буду ожидать от тебя точного исполнения моих инструкций или, как минимум, докладывать о том, что ты хочешь изменить, в противном случае будут последствия. Я ясно выражаюсь, Мимир?

— Тиранша, настоящая тиранша! — патетически возопил тот. — И в кого ты такая выросла? Раньше была такой милой девочкой, никогда не упускавшей возможности побезобразничать, а сейчас что? Тю!

— Значит, ясно, — игнорируя его тираду, постановила Хела. — Мы отвлеклись от темы, — сказала она, вновь посмотрев на Локи. — Брат мой, у меня есть несколько вопросов, и я очень надеюсь, что ты сможешь на них ответить.

— Конечно, Хела, сделаю всё, что смогу, — тут же подобрался тот.

— Называй меня Кали, — сказала она, слегка сморщив нос. — Новое лицо — новое имя.

— Как пожелает царица, — ответил Локи, склонив голову, но про себя отметил эту странность. Смена имени, это довольно необычно, тем более что и своего прошлого она не отрицает. В культуре асов подобное приравнивалось к отказу от себя и случалось только по причине несмываемого позора. Ас отказывался от имени, данного родителями, тем самым как бы отлучая себя от рода, но вместе с тем, он отрицал и все свои заслуги и права, приобретённые или унаследованные под старым именем. Своего рода высшая форма раскаяния. Вот только в Хеле (или всё же теперь правильно Кали?) Локи не видел ничего подобного. Может быть, это действительно связано со сменой внешности? Кто знает, кто знает... возможно, в этом есть нечто большее, чем просто плоть. Он сам знал несколько магических способов постоянного изменения тела, но все они оставляли заметные следы, которых здесь не наблюдалось.

А, возможно, он просто опять строит теории на пустом месте...

— Но прежде чем мы начнем, позволь узнать, известна ли тебе судьба Тора? — быстро спросил Локи, спохватившись. В первые минуты разговора он и подумать не мог спрашивать её о брате, что немудрено, учитывая, как они расстались. Теперь же, видя, что сестра не рубит с плеча, он решил рискнуть. — Когда меня... убили, он был рядом, скованный по рукам и ногам.

— Сожалею, но я ничего не знаю, — Кали печально покачала головой. И Локи готов был поклясться, что её чувства искренни, если только она во сто крат не превосходит его в лицедействе (что, если подумать, вполне реальная возможность). — Могу только сказать, что ни среди обломков, ни в нескольких световых годах вокруг не было никаких его признаков. Если бы он там умер, мы бы знали.

— Вот оно как... Спасибо. — Локи почувствовал, как тиски, сковавшие его сердце страхом за брата, медленно разжимаются. Пусть он и уверял себя, что Танос не мог убить Тора, но подтверждение даже из столь сомнительного источника принесло с собой облегчение.

«Значит, титан либо взял его в плен, либо Тор сам смог как-то убраться оттуда. Ну, милостью норн, он будет в порядке. Главное жив, остальное приложится».

— Я готов отвечать на твои вопросы, сестра, — сказал он.

— Перво-наперво, расскажи-ка, кто на вас напал, — степенно произнесла она, оперевшись на подлокотники и сцепив пальцы в замок перед собой. — Это можно считать актом войны против Асгарда, так что, думаю, ты можешь понять моё беспокойство. Не говоря уже о том, что место просто разило силой Камней Бесконечности.

«А сестрица-то горазда врать не меньше, чем отец. Я практически чувствую тепло семейных уз. Может, на самом деле приёмыш у нас Тор? — посмеиваясь про себя, подумал Локи. — Хотя истинный свой интерес она всё же озвучила. Тем лучше. Может быть, мне удастся столкнуть лбами этих двух чудовищно могучих безумцев»

— Наш корабль уничтожил Танос, безумный титан, — ответил он. — Его войска обездвижили нас, после чего пошли на абордаж, убивая всех, кого Хеймдалль не смог переправить через бифрест.

— Титан? — вскинув брови, переспросила Кали. — Что падший потомок Геи забыл в наших пределах, и почему олимпийцы не озаботились его поимкой? Раньше они очень серьёзно относились к беглецам из Тартара.

— Он не из тех титанов, просто потомок деградировавшего племени Вечных, которое поселилось на планете под названием Титан, — вмешался Мимир, двигая глазами, словно что-то читая. — В Архиве есть целое досье на этого типа. Ублюдок уже пару тысячелетий куролесит среди смертных народов и успел многих допечь. Ему подчиняются несколько агрессивных видов условной разумности и, кроме того, он любит создавать специализированных биомеханических тварей в несметных количествах. Известен тем, что при захвате очередного мира убивает ровно половину населения, и своей одержимостью Камнями Бесконечности.

— И какова же цель этого порождения Целестиалов? — поинтересовалась Кали. — За Камнями ради мелочей не охотятся. Подобных глупцов быстро сводит в могилы недовольство самих сингулярных слитков.

— Он считает себя мессией, которому суждено принести равновесие во Вселенную, — снова взял слово Локи. — Считает, что все проблемы мироздания — это результат перенаселения, и хочет с помощью камней стереть половину всего живого сразу везде, а не только там, куда могут добраться его войска.

Кали недоверчиво уставилась на него.

— Это... довольно амбициозно. Попахивает идиотизмом, но сам масштаб вызывает невольное уважение, — через пару мгновений призналась она. — Только я не понимаю, как он собрался сделать это с помощью Камней. Конечно, каждый из них, при некоторых обстоятельствах, способен дать невероятную мощь, но не настолько. Вселенная просто слишком велика для этого. То, к чему в своё время стремились темные эльфы, пожалуй, максимум того, что может дать один Камень, но и внешние условия для успеха требуются очень специфические.

— Именно поэтому Танос желает получить все, — сказал бог обмана. — Сейчас у него в руках Сила и Пространство, но он пойдёт за остальными. Возможно, даже делает это прямо сейчас.

— О, ну тогда он уже не проблема, — улыбнулась Кали. — Одной заботой меньше.

— Что? Почему? — растерянно спросил Локи. Он ожидал настороженности, возможно, даже недоверия, но не того, что она просто отмахнётся от подобной опасности. Камни содержат в себе великую мощь. Сколь бы сильна ни была их с Тором сестра, даже ей не стоило шутить с

такими вещами.

— Всё дело в том, парень, что Камни не терпят слишком близкого соседства друг с другом, — решил просветить его Мимир. — Они даже в одной системе редко задерживаются, а уж остаться в руках у одного владельца это вообще невидаль. Их противоборство несколько сглаживает только индивидуальные артефакты-хранилища, но, судя по показателям, которые мы собрали у места битвы, этот твой Танос додумался камушки освободить. В принципе, он мог бы отдать один из них кому-то из своих союзников и таким образом избежать самых радикальных последствий, но если этот идиот собирается держать их при себе, то долго не протянет.

— Но у него есть собственный артефакт! — в отчаянии воскликнул Локи. Он чувствовал, что его собеседники уже почти отбросили Таноса, как нечто несущественное, но не собирался так просто сдаваться. — Его проклятая перчатка уже приняла в себя два камня, и он смог использовать оба без всяких проблем!

По ушам резанул металлический скрежет. Локи замер, увидев, что сестра смяла в ладони подлокотник своего кресла. Мимир же уставился на него, выпучив глаза.

«Ну, кажется, я вернул их внимание», — подумал Локи, переводя дух.

Кали медленно разжала пальцы и поднялась на ноги, не сводя с него взгляда.

— Перчатка? — тихо спросила она, напряженно глядя на Локи. — Случайно не из золотистого металла с шестью пазами и охватывающая руку почти до локтя? Эта перчатка?

— Да, именно, — поспешно подтвердил он. — В точности такая же, как в отцовской сокровищнице. Возможно, это она и есть, я не могу быть уверен, что, пока мы сражались, туда не проник кто-то из приспешников Таноса, но...

— Нет, это исключено, перчатка в сокровищнице просто подделка, — резко прервала его Кали, потом отвернулась и начала расхаживать по залу, о чём-то напряженно размышляя. Четыре шага в одну сторону. Разворот. Четыре шага в другую, и так по кругу. Спина напряжена, губы сжаты в тонкую линию.

Локи провожал сестру чуть прищуренным взглядом.

«Прекрасно, похоже, эта суртова перчатка вытащила очередной скелет из семейного склепа. Будто одного Таноса было недостаточно, всё обязательно должно сводиться к старым тайнам. Да сколько ж можно! — подумал он, скрипнув зубами. — Ну, по крайней мере, теперь больше шансов, что они сцепятся»

— Но... но перчатка же была уничтожена, — слабым голосом произнёс Мимир. Локи быстро взглянул на него. Странноватый подручный сестры выглядел бледным и осунувшимся. — Я сам был там, когда Один расплавил её в кузне Нидавеллира!

«Вот ещё одна загадка. Многое знает, имеет прямой доступ к архивам огромного корабля явно асгардской постройки, который не значится ни в одном флотском реестре (иначе за последние годы я бы о нём услышал, если не как о военном судне, то как о перспективном эвакуационном транспорте) и, похоже, неплохо знаком с Одином. Я же никогда не слышал ни о ком с таким именем... как, впрочем, и о старшей сестре».

После слов Мимира Кали на мгновение застыла, повернулась к своему опустевшему креслу и

со всей дури саданула по нему ногой в изящной туфле.

— Проклятье! — крикнула богиня, заглушая звон разлетевшегося металла.

Кали прикрыла глаза, глубоко вздохнула и перебросила свою толстую косу обратно за спину.

— Это просто означает, что кто-то отковал новую, — обронила она. — Мимир, что у нас со связью?

Тот только покачал головой.

— Если хочешь поболтать с Нидавеллиром, то сейчас это невозможно. Потоки Древа всё ещё в хаосе, а резервные каналы на мои запросы не отвечают, словно их и вовсе не существует. Я даже Ётунхейма дозваться не могу, а ведь мы уже на подлёте.

— Имировы кости, — прошипела Кали. — Хорошо. Будем работать с тем что есть. Мимир, я хочу, чтобы к тому времени, когда я закончу свои дела в Ётунхейме, у нас был прямой путь к Нидавеллиру. Делай, что хочешь, но открой Радужный мост. У тебя есть клинок Стража, воспользуйся им.

Старик хмуро кивнул.

Кали ещё мгновение постояла, разглядывая остов своего кресла, потом щелчком пальцев создала новое и опустилась в него.

— Почему мы идём в Ётунхейм? — рискнул спросить Локи. Это место было, пожалуй, последним, где он хотел побывать.

— Узнаешь, когда прибудем, — отмахнулась она. — Нам ещё есть, о чём поговорить.

Мысленно вздохнув, Локи склонил голову.

— Я весь во внимании, дорогая сестра, — произнес он.

— Что ж, Локи, ответь мне, что тебе известно о том, почему Рагнарёк пресёкся, едва начавшись? — спросила богиня смерти, пристально разглядывая его.

От этих слов Локи не смог сдержаться и без затей поражённо вытаращился на неё. Такого он точно не ожидал.

— О... о чём ты? — выдавил он со второй попытки. — Что значит, Рагнарёк пресёкся?! Мы же собственными глазами видели, как Асгард разлетелся на куски!

Мысли беспорядочно метались. Локи сам вызвал разрушение своего родного дома, дав Суртуру возродиться в Вечном Пламени, а теперь... Что это вообще должно означать?! Может, он в горячке боя и принял план брата (подумать только — у Тора и План! Не иначе от неожиданности согласился), но это не значит, что результат его порадовал. Тем более что размен Асгарда на жизнь сестры явно не удался. И вот сейчас ужас свершенного нагнал его, а слова сестры зародили слабую надежду...

— Ну, конечно, разлетелся, — согласилась Кали, с лёгким удивлением разглядывая его своим единственным глазом. — Вот только на этом всё закончилось, и мне бы очень хотелось знать, почему.

...чтобы спустя миг растереть её в прах.

— А чего тебе ещё надо?! — с неожиданным жаром даже для себя воскликнул Локи. — Мы отдали собственный дом на разорение Суртуру, чтобы только противостоять тебе, и этого мало?!

Он мгновенно пожалел о своих словах, но было поздно. Глупость, страшная глупость. Течение разговора несколько расслабило его, заставив забыть о своём шатком положении, а неожиданный поворот в беседе всколыхнул переживания, оттёртые в сторону последними событиями, но всё ещё свежие и болезненные. За такую наглость сестра может просто убить его, и дело с концом. Насколько Локи успел узнать со слов выживших, во время своего недолгого правления Асгардом самозваная царица не отличалась ни милосердием, ни терпением.

Вот только он не видел в сестре ни злости, ни иного проявления недовольства. Она растерянно смотрела на него, словно пытаясь решить, не сошел ли он с ума, и как на это реагировать.

Кали открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент вмешался Мимир.

— Эй, Высочество, извиняй, что прерываю, но мы прибыли, и мне ну просто совсем не нравится то, что я вижу.

Бросив на притихшего Локи ещё один странный взгляд, богиня коротко приказала:

— Покажи мне.

Рядом с головой Мимира возникло широкое окно в пустоту, где среди мерцающих звёзд возлежала холодная жемчужина Ётунхейма и...

Глаза Локи широко открылись, сердце забилося быстрее, а к горлу подкатил отвратительный ком. Это было Неправильно, Отвратительно, Неестественно. Ему хотелось одновременно немедленно броситься уничтожить эту гадость любым возможным способом и, согнувшись пополам, выблевать свои внутренности. Он испытывал такое омерзение, что перед ним меркло всё виденное им за века жизни.

— Ччшшш... кха... что это? — сдавленно просипел бог обмана, с усилием отрывая взгляд и растерянно тряся головой.

В пространстве рядом с планетой мерцало несколько проплешин в ткани реальности, из которых к ледяному миру тянулось... нечто.

— Это? Это наш враг, — бросила Кали, не оборачиваясь, после чего обратилась к Мимиру: — Дормамму?

— Оно, угробище лесное, оно, — покивал тот. — У Длани сенсоры сводит от эманаций Тёмного Измерения.

Кали зло прищурилась.

— Вот и первая тварь, почуявшая слабинку, — произнесла она, растянув губы в опасной улыбке. Примерно так она улыбалась, когда крошила в куски Мьельнир.

«Ну, наконец-то что-то знакомое, — рассеяно подумал Локи, силясь осознать увиденное. Омерзение притихло, но совсем уходить не спешило. О Дормамму и Тёмном Измерении он

слышал. Точнее, читал в хрониках, но там говорилось, что этому божеству путь в пределы Иггдрасиля закрыт ещё со времён Бёра»

— Что будем делать? — спросил Мимир. — Мощи в приступ вбухано немеряно. Доступных сил может и не хватить.

Кали прищурилась, внимательно изучая панораму вторжения.

— Они ещё не закрепились. Если поспешим, то сможем задавить вторжение в зародыше, да так, что и других Внешних припугнём. Ты должен пережать пуповину, а я тем временем спущусь на поверхность и вырву сердце.

— Да как я это сделаю-то?! — расстроенно воскликнул Мимир. — Ты часом не забыла, что пока я не верну тело, божественности мне доступно с гулькин нос? Твоё высочайшее помилование, конечно, развязало кое-какие узелки, но до полной мощи мне ещё далеко.

Кали одарила Локи оценивающим взглядом.

— Используй его, — постановила она. — На многое не рассчитывай, но как источник сгодится.

«Что?» — подумал бог обмана, переводя глаза с одной на другого.

— Хм-хм... — Мимир тоже уставился на него. Нехорошо так уставился. — Может, и выгорит.

Локи хотел было что-то возразить, возмутиться или потребовать объяснений, но не успел.

— Тогда начинаем, — решительно кивнула Кали и исчезла в радужной вспышке.

Мимир покачал головой.

— Вот же борзая, — буркнул он, затем снова скосил глаза на Локи: — Ну что, отрок, пошли что ль.

А в следующий миг радуга поглотила самого Локи.

Кали проводила взглядом свой корабль. Сорвавшись с места, Длань ринулась к самой крупной кляксе Тёмного Измерения, по пути нещадно кромсая находящиеся в зоне досягаемости серые щупальца рубящим огнём десятков лучевых орудий. Почувя врага, язвы реальности пришли в движение, исторгнув из себя сонмы отростков на перехват корабля, но за мгновение до столкновения Длань исчезла во вспышке малого сверхсветового прыжка и продолжила свою атаку уже из другой точки пространства.

«Правильный подход, — мысленно одобрила Кали тактику Мимира. — Сам старик сейчас не в форме для чего-то действенного, а у Локи явно нет опыта. Малые дестабилизирующие удары, которые ещё и заставляют Дормамму отвлекать силы на противодействие — это именно то, что нужно. Для начала»

Вселенная сама противилась вторжению извне, так что пока Дормамму полноценно не

укоренится на планете, его возможности в этой области пространства будут ограничены. Под беспрестанными атаками Длани ублюдку будет куда сложнее подавить естественную защиту Ётунхейма и сделать его частью своей отвратительной вотчины, но он всё ещё может добиться успеха. Если аватар Дормамму на планете осквернит основные средоточия лей-линий мира, то выкорчевать его отсюда станет непросто даже усилиями всего пантеона.

«Что ж, пора и мне взяться за дело».

Богиня оторвала взгляд от битвы в космосе и посмотрела вниз. Под ней раскинулись прекрасные ледяные просторы Ётунхейма, изуродованные язвами вторжения. Её собственные глаза легко пронзили пелену миазмов Тёмного Измерения, препятствующую сенсорам Длани, и Кали открылось то, что происходило на поверхности.

Там кипела чудовищная битва. Язвы, созданные Дормамму, исторгали из себя неисчислимые армии безликих созданий, внешне напоминающих плохо вылепленные глиняные фигурки гуманоидов.словно тёмно-серая поблёскивающая жижа они волнами растекались по белым долинам и оледеневшим кряжам Ётунхейма, оскверняя всё на своём пути.

Но это происходило не без сопротивления.

Навстречу исчадиям иной вселенной встали обитатели этого холодного мира.словно зеркальное отражение своего врага, ётуны шли в бой подобно океану из тел, накатывая на маслянистые потоки. Без оружия, в одних только набедренных повязках — а часто даже без них — и с простейшей магией в руках, ледяные великаны бросались в бой. Они гибли сотнями тысяч, но с переменным успехом сдерживали нескончаемые потоки тварей.

Кали удручённо покачала головой. Всё же слышать от Мимира о том, как низко пали его ледяные родичи, это совсем не то же самое, как увидеть это воочию. Войска ётунов действовали и выглядели скорее как едва скоординированная, дикая орда, чем великая звёздная нация, каковой она их помнила. Где сейчас могучие Белые Звезды, обороняющие каждую пядь системы и сверкающие рукотворные кольца, опоясывающие планету? Нет их, сгнули, как и многое-многое иное из того, что она знала, а как и почему, до сих пор непонятно.

Но, даже растеряв всё, что можно и нельзя, ётуны неплохо держались, по полной используя то, чем наделила их природа. Вот только для победы в этой битве требовалось большее, чем примитивная ярость и количество. Гораздо большее.

Ледяные великаны были интересной расой. Будучи ближе к духам холода, чем к биологическим существам, они обладали целым комплексом врожденных способностей, делающих их довольно сложным противником. В частности, их вторичная система размножения в виде спор позволяла даже одному ётуну за короткое время породить тысячи практически идентичных, зрелых особей, полностью преданных своему родителю.

Такие создания могли вступать в бой сразу по вызревании в коконах под снегом, но обладали весьма ограниченным умом. Редко кто-то из порождённых таким образом обретал цельную личность и, как следствие, способность полноценно влиться в общество. Для нормального продолжения рода ётунам всё же требовалось половое размножение. Тем не менее, их цивилизация никогда не испытывала недостатка в пушечном мясе и грубой рабочей силе.

Конечно, эти особенности сильно повлияли на военную доктрину Ётунхейма и продолжали влиять после становления ётунов в роли межзвёздной цивилизации и признания сюзеренитета Асгарда, но настолько... безалаберно и расточительно, как сейчас, они не действовали,

наверное, с первых тысячелетий нынешнего цикла! Их мужество можно было уважать, но сами действия вызывали, скорее, недоумение.

Кали тихо вздохнула и решительно отодвинула своё отношение к увиденному. Настала пора действовать, попытаться понять очередную несуразность нового времени можно и позже.

Хотя теперь она и видела поверхность без помех, но обнаружение аватара всё ещё оставалось проблемой. Влияние Дормамму равномерно распространялось по всем областям заражения, не выявляя каких-либо заметных центров.

Кали снова окинула панораму войны пристальным взором, выискивая любые признаки желанного противника, но не смогла обнаружить ничего примечательного. Центральный узел наземного вторжения оставался скрыт.

— Что ж, если крыса спряталась в помойной куче, легче спалить всё дотла, чем её откапывать, — пробормотала богиня. На её губах сама собой расцвела предвкушающая улыбка. Слишком долго она провела в бездействии и теперь, несмотря ни на что, радовалась предстоящему делу. Всё же преддверие Рагнарёка было плохой заменой истинному наслаждению от исполнения своего предназначения. А для чего ещё этой вселенной нужны боги, как не для уничтожения вторженцев из внешних пределов? Мироздание жаждало небытия этих скопищ, и она, Кали, с радостью принесёт его им.

Богиня смерти вызвала в памяти карту духовного кровотока Ётунхейма, после чего мысленно наложила её на поверхность. Поверхность этого мира, как и его близнеца-противоположности Муспельхейма, была весьма подвижна, поэтому со времён её последнего визита ландшафты сильно изменились, но осталось достаточно ориентиров, чтобы не ошибиться с курсом.

Теперь смысл движения волн захватчиков стал чётко виден. В непосредственной близости от фронта на этой стороне планеты находилось шесть узлов силы и именно в этих районах оказывалось наибольшее давление. Высока вероятность, что аватар врага будет рядом с фронтом в одной из этих точек, готовясь осквернить узел, как только тот будет захвачен. Но если даже его там нет, начать стоит именно оттуда.

Кали подняла левую руку, словно протягивая кому-то невидимому драгоценный дар. Над её ладонью вспыхнул одинокий лепесток фиолетового огня, в котором угадывалось то самое пламя, которым ныне пылал Хельхейм, затем ещё и ещё, пока их не стало ровно шесть. Она поднесла пригоршню пламени, рожденного из самых глубин её сути к лицу, и прошептала:

— Стена Безмолвия, — и с выдохом, от которого лепестки вспыхнули ещё ярче, отбросила их от себя, выпустив в свободный полёт.

Огни разлетелись в разные стороны и устремились вниз каждый к своей цели, вскоре превратившись в маленькие падающие звездочки. Они быстро преодолели атмосферу, оставляя за собой расширяющиеся следы, чистые от тёмных миазмов и завершили свой путь над шестью областями с огромными скоплениями противника. На долю секунды замерев каждая на своём месте, звездочки вспыхнули, излившись на поверхность мерцающими фиолетовыми куполами радиусом в десятки километров. Огромные силы врага оказались в ловушке, отделённые от ближайших ётунов обманчиво тонкой преградой.

Кали прикрыла глаза и прикусила губу, ощущая ни с чем несравнимое наслаждение, омывающее её суть. Безмозглые порождения Дормамму тысячами бросались на барьеры и гибли, гибли, гибли, а вселенная сторицей платила за это своей защитнице. О, как же давно она не испытывала ничего подобного!

Богиня провела Гунгниром круг против часовой стрелки, оставляя за лезвием тонкую линию света, потом прижалась к древку, крепко удерживая его, согнув свободную руку над головой.

— DEATH... — прошелестел её голос, когда она начала медленно возносить копьё над головой.

— REBORN... — тихое, но грохочущее в метафизических сферах заклинание разнеслось в пустоте, игнорируя законы первичной сферы бытия.

— REVOLUTION. — И под бессмысленный гул слов активации, привязанных в её сознании к метамагическому действию памятью Хотару Томоз, Гунгнир опустился.

На месте пяти куполов в небеса, пораженные хворью мира, взметнулись сияющие столбы силы, за доли секунды стерев из существования миллионы тварей Тёмного Измерения. В шестом же... навстречу удару смерти вознеслась мощь, противная всему, что было естественно этой вселенной. Реальность заскрежетала, когда на пути фиолетового света встало тёмно-серое марево, переполненное противоестественными энергиями. А по морозному воздуху Ётунхейма разнёсся яростный рык, в ответ на который твари по всей планете бросили свои цели и понеслись к его источнику.

Кали подняла своё копьё и, не глядя, мягко провела рукой по древку, стряхивая частицы золотой шелухи. Древний артефакт всё больше принимал свою новую хозяйку, постепенно меняясь под напором её силы.

— Попался, — нежно прошептала она, неотрывно наблюдая за противостоянием сил, разыгравшимся перед её глазами.

Богиня опустила Гунгнир остриём вниз и крутанулась на месте, вычерчивая идеальный круг фиолетового огня. Как только пылающая линия замкнулась, она потемнела, затвердев в обруч мертвящий стали, который тут же породил множество острых побегов, заполнявших внутреннее пространство обруча и быстро прорастая вовне. Спустя мгновение, Кали больше не висела в пустоте, но стояла на широкой платформе, сплетённой из множества острейших клинков.

Лёгким движением развернув копьё, она ударила тупым концом древка по поверхности, пропустив через оружие волну силы. От полученной энергии платформа вздыбилась целым лесом клинков, немедленно скрыв свою создательницу за толстой стеной острейших лезвий.

Лес клинков продолжал расти и сплетаться, пока не превратился в двухсотметровый чёрный кокон из сплетённой стали.

Мгновением позже он сорвался с места и устремился вниз, разрывая шипами атмосферу.

Богиня Смерти нисходила на ледяной мир, оставляя за собой след яркого пламени.